

ГЕНДЕРНЫЙ ДИСКУРС В КЛАССИЧЕСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

.....

И. Н. Тартаковская*

Классическая социальная теория начала складываться во второй половине XIX в. на фоне развертывания капиталистической индустриализации и революционного подъема в Европе. Одновременно с этими процессами чрезвычайно расширилась экспансия государственной бюрократии, что привело к усилению регулирования государством не только публичной, но в известной мере и приватной сферы.

Индустриальная революция по мере своего развития вовлекла очень многих женщин в ряды промышленной рабочей силы. Технические новации первой половины XIX в. позволили эффективно эксплуатировать труд женщин и детей, которым можно было меньше платить. К началу 1830-х гг. женщины в Англии составляли более половины взрослой рабочей силы. В речи лорда Эшли в Палате общин 15 марта 1844 г. приводилась следующая статистика: из 419 560 фабричных рабочих Великобритании (1839 г.) взрослые мужчины составляли 96 569 чел., подростки до 18 лет мужского пола – 80 695 чел. Доля рабочих женщин достигала 242 296 чел., или почти 58 %, из них 112 192 – моложе 18 лет [11, с. 373]. Такая пропорция создавала специфическую социальную атмосферу: с одной стороны, женщины были явно перегружены, поэтому многие из первых рабочих женских организаций поддерживали требование «семейной зарплаты» для мужа, но с другой стороны, обладали определенной экономической и личной независимостью.

На возникновение феминизма оказала влияние интеллектуальная атмосфера XVIII в. В Англии пуританская доктрина предполагала равенства мужских и женских душ («Во Христе нет ни эллина, ни иудея, ни женщины, ни мужчины»), и эта доктрина была использована радикальными сектами, такими,

* Тартаковская Ирина Наумовна — кандидат социологических наук, ведущий научный консультант Института социальной и гендерной политики. Электронная почта: i_tartakovskaya@yahoo.com.

как, например, квакеры, которые позволяли женщинам быть священниками. Индустриальная революция привела к викторианской эпохе благосостояния со значительным расширением имущих классов. Многие женщины смогли позволить себе не работать (чего не могли сделать до этого жены ремесленников и фермеров). Произошел соответствующий сдвиг в представлениях о природе женщины: женщины теперь считались сексуально скромными и пассивными (до этого, наоборот, преобладали представления об их сексуальной ненасытности). Исключенные из новых сфер занятости, т.е. бизнеса и высокопрофессиональной работы, и вследствие этого экономически зависимые от мужчин, женщины нарождающегося среднего класса считались беспомощными по самой своей натуре.

В 1792 г. Мэри Уоллстонкрафт опубликовала книгу «В защиту прав женщин» [9]. Этот год считается датой рождения современного европейского феминизма. Книга явилась непосредственной реакцией на Великую французскую революцию и ее идеологию. Автор полемизировала с Руссо, высказавшим ряд идей о надлежащем воспитании женщин, соответствующем их природе (посвящение себя семье и моральному воспитанию детей – до этого роль матери именно в моральном воспитании не признавалась). Мэри была членом интеллектуального кружка, в который входили ее муж, анархист У. Годвин, великий английский поэт У. Блейк, другие радикальные мыслители и люди искусства, в частности, поэт Перси Биши Шелли. Зарождение феминизма произошло не на культурной/интеллектуальной периферии, а в центре обмена идеями.

Хотя Англия и была родиной индустриальной революции, которая, казалось бы, обеспечила множество тем для классической социальной теории (индустриальный город, новые формы собственности, условия жизни рабочего класса, фабричная система, социальное законодательство по ограничению женского и детского труда), она не стала ареной ее развития. Она была слишком рациональным для этого обществом, с доминированием эмпиризма в философии и утилитаризма в социальной мысли. Как отметил Р. Нисбет [15, р. 12–13], социологическая традиция парадоксальным образом плохо развивается в самом мейнстриме модернизма, напротив, ее наиболее существенные понятия и перспективы своим происхождением связаны, скорее, с философским консерватизмом.

На этом фоне социология складывалась как «объективная» социальная наука (подобная естественным), во многом впитавшая в себя и легитимировавшая викторианские предрассудки в вопросах пола, семьи, работы, деления публичного и частного. Социология была абсолютно европоцентрична, примеры из других культур рассматривались как отрицательные. Викторианская идеология предполагала поляризацию мужской и женской социальной роли. Большинство социальных теоретиков считали это разделение священным и неизменным, полагая самореализацию женщин возможной лишь в рамках при-

ватного, домашнего мира. Достаточно часто социологические теории или игнорировали женщин вообще, или отводили им второстепенные роли. Однако влияние описанного социального контекста на отдельных авторов было достаточно сложным и противоречивым. Никогда социальная теория не придерживалась единой трактовки «женского вопроса». На его интерпретацию влияли и изменения в отношениях мужчин и женщин, принадлежащих к разным классам, и половое разделение труда при капитализме, и влияние европейских революций на положение женщин.

Так, например, борьба суфражисток и дискуссии о «природе женщины» повлияли на взгляды Джона Стюарта Милля, выступившего за предоставление женщинам среднего класса доступа к образованию и профессиональной деятельности. Герберт Спенсер, наоборот, проделал эволюцию от профеминистской к антифеминистской позиции.

Джон Стюарт Милль (1806–1873)

Строго говоря, Джон Стюарт Милль не был классическим социологическим теоретиком, он был социальным философом. На протяжении многих лет он имел близкие отношения с Гарриет Тейлор, радикальной мыслительницей феминистской ориентации, которая стала потом его женой. Но он сам поддерживал феминистские взгляды еще до встречи с Гарриет, и даже был арестован в возрасте 17 лет за распространение механических контрацептивов среди горничных и дочерей торговцев и ремесленников. Он поддерживал идеи контроля над рождаемостью.

Свою знаменитую работу «О подчинении женщин» [4] он написал в начале 1860-х гг., но опубликована она была только в 1869 г. Эта книга представляет собой наиболее последовательное изложение либеральных взглядов феминизма первой волны. Дж. Милль критиковал брак как оплот деспотизма, считая, что брачные отношения отличаются от прочих форм господства сильных над слабыми тем, что не ограничены рамками отдельного класса, а характерны для всего мужского пола. Он полагал, что женщины должны иметь равные права с мужчинами, равный доступ к образованию и профессиональной деятельности, и выражал скепсис по отношению к выводам современной ему биологии, объяснявший интеллектуальную слабость женщин меньшим размером их мозга. По его мнению, «женская природа» – искусственно созданный феномен и результат длительного подавления одних личностных свойств и чрезмерного стимулирования других. Как и Мэри Уолстонкрафт, он указывал на деформирующую роль гендерной социализации и специфических форм женского образования для развития женской личности. Причину дискриминации женщин в трудовой сфере он видел в желании мужчин сохранить свои экономические привилегии. В соответствии с идеями утилитаризма Дж. Милль считал освобождение женщин залогом и непременным условием успешного развития че-

ловеческого общества в целом, которое невероятно продвинется, если за счет женского равноправия удвоится его интеллектуальный потенциал.

Слабые черты его работы были характерны для либеральной мысли в целом: он полностью полагался на возможности правового регулирования гендерных отношений, игнорируя психологические основания для подчинения женщин мужчинам. Не уделяя специально внимания классовым различиям между женщинами, он объективно ратовал прежде всего за освобождение женщин средних и высших классов, имеющих собственное имущество и образование, хотя в обоих этих отношениях их возможности были ограничены. На устранение этих ограничений и была направлена работа Дж. Милля.

Герберт Спенсер (1820–1903)

В течение жизни ученого его взгляды на женский вопрос претерпели значительную эволюцию. В 1851 г. он опубликовал работу «Социальная статика», одна из глав которой (XVI) называлась «Права женщин» [7]. В ней он выразил взгляды, очень близкие к взглядам Дж. Милля, находя, что противники равноправия не могут привести ни одного убедительного аргумента в пользу того, что существуют какие-либо, даже незначительные интеллектуальные различия между мужчинами и женщинами, которые обосновывали бы лишения женщин равного с мужчинами статуса. Впоследствии, однако, Г. Спенсер принял совершенно другую точку зрения. Уже в 1855 г. в «Основаниях психологии» он писал, что мышление женщин отличается от мышления мужчин подобно тому («хотя и меньше по степени»), как дикари отличаются от цивилизованных людей, поскольку «женщины более быстры в выведении заключений и более упрямо держатся за однажды сложившиеся верования» [5, с. 357].

В 1873 г. в работе «Социология как предмет изучения» Г. Спенсер изложил свою позицию более подробно, опираясь на теорию социального дарвинизма. Он полагал, что физические и психические различия между мужчинами и женщинами сформировались по мере их адаптации к отцовскому и материнскому долгу в ходе человеческой эволюции. Эти различия выражают себя прежде всего в различиях между интеллектуальным и эмоциональным началами. Он придавал также значение физическим отличиям женщин от мужчин: меньший размер их тела и мозга он считал не только результатом эволюции, но и свидетельством их интеллектуальной слабости по сравнению с мужчинами. Спенсер полагал, что все эти различия сформировались в результате исторических взаимоотношений полов, которые строились как отношения сильного и слабого. Мужчины варварских племен, по мнению Спенсера, были не только сильными и храбрыми, но и агрессивными, жестокими и эгоистичными. Чтобы физически выжить во взаимоотношениях с такими мужчинами, женщины вынуждены были развивать в себе способности к ним подстраиваться, угадывать их настроения, исполнять их желания. При этом наиболее brutальные мужчины

были и наиболее успешными, соответственно, женщины, нуждавшиеся в физической и экономической защите для себя и детей, предпочитали именно таких мужчин, несмотря на то что они с ними хуже обращались. Рецидивы таких женских вкусов Г. Спенсер считал распространенными и в современном ему цивилизованном обществе. Общение с такими мужчинами в ходе эволюции развивало у женщин такие качества, как чувствительность и интуиция, поскольку они должны были «по одному движению, тону голоса или выражению лица... тотчас угадывать в своем дикаре-муже возникшую в нем страсть» [8, с. 371]. Именно такие женщины имели значительно больше шансов выжить. Важным следствием подобного естественного отбора стало, по мнению Спенсера, готовность женщин подчиняться любой власти и их преклонение перед властью в целом. Поэтому он полагал необходимым исключать их из публичной жизни: они создавали бы естественную базу для автократических и тиранических политических режимов. Из-за этого он также предлагал ограничить их неформальное влияние на характеры своих мужей и сыновей.

Выводы ученого базировались на «кабинетной антропологии» XIX в., поэтому его представления о жизни «примитивных племен» были не только европоцентричны, но и весьма умозрительны. Тем не менее, его теория предполагала возможность изменения отношений между полами по мере эволюции общества. Г. Спенсер предложил свой вариант популярных для своего времени размышлений по поводу природы и происхождения брака. В частности, он выделял несколько стадий его развития:

- 1) отсутствие брака и промискуитетные отношения между первобытными людьми;
- 2) полиандрия – репрессивная для женщины семейная форма, поскольку иметь несколько мужей означало иметь несколько господ, и вредная для детей, так как не давала определенных и стабильных властных паттернов;
- 3) полигамия – более эффективная, чем полиандрия, организация брака, поскольку обеспечивала более тесные семейные связи, репродукция производилась в основном самыми сильными и богатыми мужчинами (которые могли держать много жен), сыновья имели одного отца как образец для подражания;
- 4) моногамия, которую он считал высшей и последней формой семьи, своего рода венцом эволюции [6, с. 25–52].

По мнению Г. Спенсера, современная ему викторианская семья была уже избавлена от налета брутальных властных отношений, свойственных дикарям. В этой семье женщина пользуется полным уважением и имеет все возможности для своего *естественного* самовыражения в качестве жены и матери. Исключение женщин из трудовых отношений и их специализацию на семейных функциях он также считал достижением эволюции и признаком цивилизован-

ности общества (парадоксально, что это было написано в стране, где женщины в то время составляли более половины фабричных рабочих!).

Несмотря на все сказанное, взгляды Спенсера нельзя считать консервативными: они представляют собой смесь утилитарного либерального индивидуализма и эволюционного функционализма. Его пересмотр своей позиции по отношению к правам женщин стал результатом не политического поворота, а более скрупулезной разработки принципов эволюционного функционализма, при этом он продолжал придерживаться либерального индивидуализма как политической идеологии. Спенсер начал интересоваться теорией эволюции, когда не смог найти достаточного интеллектуального основания для социальной интеграции и прогресса ни в утилитаризме, ни в религиозной догматике. В результате именно биологический эволюционизм стал противоречивым базисом его либеральной политической экономики.

Эмиль Дюркгейм: разделение труда и конъюгальная солидарность

Эмиль Дюркгейм (1858–1917) был сторонником контовского проекта научного утверждения новой секуляризированной морали. С его точки зрения, главные орудия для реализации этого проекта – социология и образование. Его обращение к проблематике гендерных отношений было связано с моральной оценкой разделения труда в обществе. Он считал разделение труда фундаментальным базисом общественного порядка и категорическим императивом коллективного морального сознания. Растущая специализация экономических, политических, административных институтов и других сфер жизни нередко подвергалась критике как источник экономических кризисов и классовых конфликтов. Дюркгейм своими работами пытался разрешить эти противоречия, рассматривая «факты моральной жизни в соответствии с методами социальной науки». По его мнению, моральные последствия разделения труда более важны, чем экономические. Парадигмальным случаем разделения труда он считал брак, разделение труда в котором служит источником солидарности [2, с. 56–65].

При этом он утверждал, что физическая и культурная дифференциация между мужчинами и женщинами все время увеличивается. Ученый пришел к заключению, что «чем глубже мы обращаемся в прошлое, тем менее значительными становятся различия между мужчинами и женщинами» – во внешности, физической силе, строении мозга, а также в выполнении социальных ролей и функций. Следуя данным современной ему антропологии, он полагал, что в древние эпохи не существовало брака как такового, скорее, практиковался род примитивного промискуитета в сочетании со слабо развитым зародышем матриархальной семьи.

Развитие института брака, по мнению Э. Дюркгейма, происходило по мере нарастания все большей дифференциации между мужчинами и женщинами.

Женщины становились постепенно все более слабыми физически, размер их мозга все более уменьшался по сравнению с мужским, зато при этом у них развивалась моральное чувство и мягкость характера. По мере развития института брака женщины отстранялись от участия в войнах и других публичных событиях и сосредоточивали свои жизненные интересы вокруг семьи. Э. Дюркгейм считал, что именно разделение труда на базе половых ролей создало основания для солидарности в домашней сфере. Эта история конъюгальной солидарности позволила ученому выдвинуть гипотезу о том, что усиление социального разделения труда ведет не к конфликтам, а к консенсусу и солидарности. Тот факт, что в реальной жизни разделение труда приводило к экономическим кризисам и классовым конфликтам, Э. Дюркгейм связывал с тем, что оно происходило в ненормальных формах, было вынужденным и аномичным.

Серьезный недостаток предложенного Э. Дюркгеймом анализа конъюгальной солидарности заключается в том, что наличие в браке принуждения, подавления и неравного обмена любыми видами ресурсов он интерпретировал как простую техническую комплиментарность функций, институционализированных в виде половых ролей.

Георг Зиммель: мужская культура и социальная психология половых ролей

Один из основоположников немецкой классической социологии Георг Зиммель считал подчиненное положение женщин серьезной проблемой и уделял специальное внимание тому, как доминантная мужская культура препятствует автономному развитию женской идентичности и ограничивает участие женщин в культуре. Те роли, которые социально предписаны женщинам, недостаточны для их автономной самореализации, а независимая моральная оценка их деятельности подменяется выработанными мужчинами критериями. Г. Зиммель, в отличие от Э. Дюркгейма, подчеркивал, что разделение труда по половому признаку приводит к тому, что женщины воспринимаются лишь через призму отношений с мужчинами. Сами же по себе женщины – «ничто», потому что доступные им роли не имеют никаких специфических, независимых женских качеств: «Все унижение женщины исходит из того, что существование женщины оценивается по критериям, смоделированным для противоположного пола» (цит. по: [1, с. 57]). Таким образом, Г. Зиммель предвосхищает более поздние идеи С. де Бовуар и Ж. Лакана о том, что «женщины не существует».

Это не означает, однако, что Г. Зиммель рассматривал женщин лишь как жертв «скроенного по мужской мерке» социального мира: во всех культурах женщинам предписывалась особая власть и таинственная сила, например, ведьмовская. Он и сам разделял эту точку зрения, придерживаясь традиционного разделения между полами сфер бытия: «мужчина – культура, женщина – природа». Женщины, по мнению Г. Зиммеля, находятся гораздо ближе к

темным примитивным силам природы, их наиболее существенные личностные характеристики связаны с самыми естественными, самыми универсальными, самыми важными с биологической точки зрения функциями. Он полагал, что женский характер не может быть выведен ни из полового разделения труда, ни из его культурной объективации. «Внутренняя жизнь женщины протекает в глубочайшей тождественности бытия и бытия женщиной, абсолютно определяющей в самой себе свою половость и не нуждающуюся для определения себя в соотношении с другим полом» (цит. по: [1, с. 54]). Радикально противопоставляя «природу женщины» миру мужской культуры, он считал ее непознаваемой для мужчины.

Г. Зиммель утверждал, что исторически женщины стали позже, чем мужчины, пользоваться правами частной собственности, и их личное имущество в основном состояло из украшений, в то время как первым личным имуществом мужчин было оружие. По его мнению, это обстоятельство указывает на более активную и агрессивную природу мужчин: мужчины расширяли сферу своей личности насильственно, против воли других. Женщины же в гораздо большей степени выражали готовность зависеть от доброй воли других людей: они выражали свою индивидуальность через восхищение и признательность, которые получали из внешнего социального мира.

Г. Зиммель также предложил довольно тонкий анализ взаимодействий между мужчинами и женщинами в рамках брака и любовных отношений. Саму природу современного брака он считал чреватой потенциальным охлаждением и конфликтами, поскольку супруги вынуждены разделять между собой наиболее тривиальные, безразличные и неприятные практики повседневной жизни. Напротив, большинство важных и значимых отношений, связанных с наиболее творческими аспектами их личностей, оказываются лежащими за пределами брака. Свойственные семейной жизни формы интимности часто способствуют полному поглощению личных миров супругов, что приводит к привычному сосуществованию, лишенному эмоциональной насыщенности. Г. Зиммель критически относился к возможности достижения «равных прав в браке», считая, что брак должен базироваться на более органичной форме союза, чем простое механическое равенство, поскольку невозможно подчинить общим принципам все тончайшие формы взаимодействия в контексте повседневной жизни.

Г. Зиммель отрицал все современные ему идеологические модели разрешения «женского вопроса»: традиционалистскую установку на сохранение отдельной женской сферы жизни, либеральную модель автоматического распространения на женщин всех прав, которыми обладают мужчины, и социалистические представления о детерминации угнетения женщин капиталистическими отношениями, поскольку ни одна из них не подразумевала автономии женщин. Для Г. Зиммеля жизнь женщины по своей природе и содержанию отличалась от жизни мужчины, и не могла быть выражена через посредство культурных норм,

созданных мужчинами. Хотя идеи ученого предвосхитили многие позднейшие сюжеты феминистских текстов, в целом его представления о «природе женщины» были антиисторичны и связаны с современными ему стереотипами.

Структурно-функциональный подход к гендерным отношениям

Как и у Э. Дюркгейма, структурно-функциональный подход рассматривает дифференциацию по полу прежде всего через призму института семьи, при этом:

- 1) минимизируется упоминание отношений власти-подчинения и мужского господства;
- 2) половая дифференциация рассматривается как следствие разделения труда;
- 3) предполагается, что разделение труда обусловлено функциональными потребностями общества и личности.

Эту теорию мы рассмотрим более подробно, потому что структурный функционализм (названный впоследствии «стандартной американской социологией») долгое время был очень влиятельной и даже доминирующей методологией и стал эталоном для формирования структуры социологического образования в США, действующей и по сей день. Его влияние, однако, простиралось далеко за пределы Северной Америки. Этот подход, игравший главную роль до середины 1970-х гг., претендовал на построение *единой* теории семьи, которая объединила бы все существовавшие на тот момент подходы в рамках неоклассического синтеза социологии. Базой для этой универсальной теории должен был стать структурный функционализм.

Основные положения структурного функционализма. Наиболее важным в понимании структурного функционализма следует считать не конкретные детали, а сам способ теоретизирования. Согласно этому подходу выделяются *четыре основные функции*, которые должен выполнять любой социальный институт или общество в целом, чтобы обеспечить собственное воспроизводство [16].

1. *Адаптация системы* к ее материальному окружению: системе необходимы определенные материальные ресурсы для самовоспроизведения. Адаптация – типичная функция *экономических* институтов.

2. *Целеполагание*: системе необходимы некоторые средства для определения своих целей и проверки их достижимости. Данная функция типична для политических институтов.

3. *Интеграция*: система должна обеспечить свою интеграцию в более широкие системы и их интегрирование в общество в целом. Это типичная функция *общины* или «*гражданского общества*».

4. *Сохранение образцов*: средство поддержки общей системы ценностей, которые составляют основу соглашения, позволяющего разрешать возникающие противоречия. Указанная функция типична для *системы ценностей и религии*.

Согласно структурному функционализму эти основные функции универсальны, однако в разных обществах они выполняются разными способами. Эволюция обществ – развитие от простых форм к сложным – характеризуется нарастающей структурной дифференциацией, по аналогии с прогрессирующим развитием разделения труда и создания специальных институтов, призванных выполнять специализированные функции, например, индустриальное предприятие, государство.

Место семьи в системе структурной дифференциации общества. Этот процесс дифференциации структур влияет на семью, как и на другие институты, поэтому в современном обществе мы наблюдаем не упадок семьи, а *специализацию ее функций*.

В *простейших обществах* дифференциация очень слабая. Семья полностью интегрирована в домашнее хозяйство и в более широкую общность, так что трудно отделить, например, экономическую деятельность от религиозной или политической. Семья играла решающую роль во всех этих сферах.

Структурная дифференциация привела к учреждению специализированных экономических институтов для выполнения социальных функций адаптации, специализированных политических институтов для выполнения социальных функций целеполагания и т.д. *Таким образом, социальные задачи современной семьи сведены к поддержке биологического, психологического и социального воспроизводства ее членов*. Для Т. Парсонса главная функция современной семьи – это сохранение паттернов социальных взаимодействий. Семья ответственна за социализацию детей и поддержку взрослых, причем роли мужчин и женщин в ней совершенно различны [17]. Это различие основывается на различиях между *инструментальными* и *экспрессивными* функциями и личностями. Точка зрения Т. Парсонса базируется на весьма спорных психологических допущениях, но в его теории семьи важен именно общий способ объяснения.

Чтобы лучше понять структурно-функциональный подход, рассмотрим базовую модель других представителей структурного функционализма: Нормана Белла и Эзры Фогеля [12]. Семья существует на *пересечении различных подсистем* общества, в которые вовлечен индивид. Среди них *экономика, политика, локальная община и система ценностей*, в соответствии с каждой из четырех «эталонных переменных» Т. Парсонса. В соответствии с этими подсистемами Н. Белл и Э. Фогель выделяют функции современной семьи. Эти функции представлены как *серии обменов*: функционирование семьи не *детерминировано* другими подсистемами, но *согласуется с ними*, даже если они имеют разные властные полномочия, как, например, семья и государство. Н. Белл и Э. Фогель

настаивают на том, что эти функции выполняет именно *семья как целое, а не отдельные ее члены*. Таким образом, анализ семьи включает три этапа.

На первом этапе семья рассматривается как целостность в широком социальном контексте и в ее отношениях с социальными подсистемами.

1. Экономика: семья обеспечивает экономику своим *трудом* в обмен за *денежное вознаграждение*. Чтобы иметь такую возможность, семья должна обеспечить *базовые умения и навыки, эмоциональную интегрированность* личности и необходимую для работы *мотивацию*. Семья должна быть достаточно хорошо готова к *географической и социальной мобильности*, и именно этим диктуется ее *нуклеарная* форма. Работнику необходимо разделять в своей жизни дом и работу, поэтому он должен иметь определенную *независимость* от своей семьи.

2. Политика: семья обеспечивает *лояльность* по отношению к политической системе в обмен на *руководство*. Семья делегирует в сферу политики власть и право принимать решения и взамен соглашается подчиняться этим решениям. Политика обеспечивает семье некоторые *выгоды* (например, пособия), а также укрепляет и *защищает* ее как институт. Интересы семьи не совпадают полностью с интересами государства, но обычно все недовольства канализируются в безвредную деятельность, например, *оппозиционных партий*.

3. Локальная общность или община: семья *участвует* в жизни своей локальной общины, которая в обмен ее *поддерживает*. Община также укрепляет семью и поддерживает ее самоидентичность и солидарность ее членов.

4. Система ценностей: семья играет главную роль в воспроизводстве системы ценностей, соответственно, система ценностей одобряет семьи, ее разделяющие.

Внешние функции семьи определяются взаимоотношениями между семьей и обществом, при этом именно они в значительной степени обуславливают внутрисемейное разделение труда и гендерный порядок.

На втором этапе в соответствии с функциями семьи анализируются внутрисемейные отношения. Это означает, что *собственно отношения между полами рассматриваются лишь на второй стадии анализа, они как бы вторичны*.

1. Адаптивная функция в дополнение к *работе вне дома*, приносящей непосредственный денежный доход, требует определенных затрат *домашнего труда*: уборки, починки, покупки предметов потребления, готовки пищи, заботы о детях, старых и больных людях. Решение этих задач должно быть распределено между членами семьи. Н. Белл и Э. Фогель полагают естественным и рациональным возложение этих работ на женщин, мотивируя это естественной биологической связью между матерью и ребенком. Поскольку мать все равно привязана к дому, это в равной степени естественно и рационально для мужчины уходить из дома на работу, в то время как мать заполняет незанятое

непосредственно ребенком время выполнением соответствующей домашней работы. Н. Белл и Э. Фогель признают, что это делает женщину экономически зависимой от мужчины.

2. Функция целеполагания: в семье, как и в обществе в целом, должны присутствовать *лидерство* и *согласие ему подчиняться*, в частности, и для того, чтобы выполнять решения, принятые на социетальном уровне. Мужчина, скорее всего, является номинальным главой семьи, но Н. Белл и Э. Фогель настаивают на том, что номинальный лидер не всегда имеет реальную власть:

а) номинальный лидер может не быть тем человеком, кто на самом деле принимает решения;

б) существует разделение сфер власти;

в) большинство решений принимаются под воздействием внешних обстоятельств, а значит, протест против того или иного решения или общего распределения сил в семье не стоит воспринимать слишком серьезно – протест может носить символический характер и содержать в себе элемент одобрения неизбежных решений.

3. Интеграция: различные *ритуальные* и *символические виды деятельности* укрепляют семейные узы и связывают членов семьи с локальной общностью, например: воскресный ланч, рождественский ужин, дни рождения, прогулки, семейные фотографии, физический контакт, сексуальные отношения.

4. Система ценностей: семья должна быть едина по отношению к базовым *ценностям*, инкорпорированным в систему социетальных ценностей. В рамках этого консенсуса возможно и некоторое несогласие – это позволяет правилами игры. Однако функциональная необходимость в консенсусе является консервативной силой в масштабах всего общества.

На третьем этапе исследуется то, как распределение функций между членами семьи влияет на типовые характеристики личности. Семья функциональна не только по отношению к социальным системам более высокого порядка, но и по отношению к личности. В самом деле, важнейшая функция семьи в современном обществе – формировать и поддерживать типы личности, приспособленные к возложенным на индивидов функциям.

Главнейшее звено, связывающее семью и общество, – *работающий глава семьи как хозяйственная единица*. Этот человек нуждается в *эмоциональной и психологической поддержке*, а дети должны быть *социализированы* так, чтобы потом наилучшим образом играть свои социальные роли, прежде всего на работе. У них также должны быть воспитаны психологические качества, необходимые для *лидерства* и *подчинения власти*. *Интеграция семьи и единая система ценностей* чрезвычайно существенны для формирования стабильной личности и последовательного суперэго во взрослых и детях. Таким образом, между семьей и личностью существует обмен взаимной поддержкой.

Так сложилось, что работающим главой домашнего хозяйства функционально является мужчина. Разделение труда в обществе и в семье диктует необходимость социализировать мальчиков на основе ценностей *инструментализма, лидерства и ориентации на достижения*. Поэтому именно у мужчин развиваются способности работать вне дома и принимать решения всемирно-исторического значения, в то время как женщины выполняют домашнюю работу, обеспечивают эмоциональную поддержку и сексуальные услуги, чтобы дать мужчинам возможность содержать семью.

Для Н. Белла и Э. Фогеля эта схема разделения труда не выглядит неизбежной. Они отмечают, что «суровые жизненные испытания» могут даже привести к перераспределению ролей, и тогда женщины идут на работу, а мужчины остаются дома.

Критика структурно-функциональной теории семьи сводится главным образом к следующему. Во-первых, структурно-функциональная модель построена на представлениях об идеальной американской семье среднего класса, живущей в пригороде, – представлениях, имеющих мало общего с реальной жизнью подавляющего большинства жителей планеты.

При этом важно понимать, что структурный функционализм не претендует на описание общества таким, как оно есть. Это совершенно сознательно выбранное описание *идеальной модели*, которой должно соответствовать правильно функционирующее общество. Структурно-функциональная модель семьи обеспечивает ученых как бы образцом измерения *правильно функционирующей семьи*, с помощью которого можно выявлять точки напряжения, приводящие к *патологическим отклонениям* от нормы/идеала: если семья не функционирует согласно этой модели, то развиваются различные социальные и психологические патологии. Главная цель этой теории – объяснить не суть семьи, а эти самые психические и социальные отклонения, портящие общую картину.

Цель теории заключается в объяснении того, что такие патологии, как психические заболевания, преступность, распад семьи, нищета, имеют не индивидуальное происхождение. Они порождаются *точками напряжения в социальной структуре* – недостаточной интеграцией между различными подсистемами общества, которые могут быть подвергнуты институциональным реформам, либо должны существовать способы избежания или разрешения этого напряжения. Так, многие политики приходят к выводу, что для преодоления преступности, наркомании, нищеты и решения всех остальных социальных проблем надо укрепить семью.

Феминистки могут утверждать, что современная семья, особенно, представленная в структурно-функциональной модели, зиждется на *подчинении и маргинализации женщин*. Но структурные функционалисты возражают им, что дифференциация не обязательно подразумевает субординацию. Подчинение –

вообще не факт, но явление, зависящее от приверженности той или иной системе ценностей. Т. Парсонс признает, что существует *противоречие между основными ценностями современного общества и неравенством мужчин и женщин в структуре занятости*. Если часть женщин привержена основным ценностям равенства и важности работы вне дома, они могут быть недовольны своей подчиненной позицией, и современный феминизм является выражением этого недовольства.

Однако для Т. Парсонса *проблема заключается не в подчиненном положении женщин, а в противоречии между подсистемами*. Функционирование современного общества зависит от разделения труда в семье между инструментальными мужчинами и экспрессивными женщинами, поэтому оно не может быть подвергнуто изменениям. Следовательно, *решение заключается в том, чтобы как-то разрешить возникшее напряжение*, а не трансформировать общество так, чтобы женщины были довольны своим местом в нем. Т. Парсонс предлагает три пути, которые могли бы помочь женщинам найти решение этой проблемы: 1) найти себя в «светской жизни»; 2) стать профессиональной домохозяйкой; 3) заняться благотворительностью.

Это три способа, с помощью которых женщины могут найти себе социальную роль, удовлетворяющую их ценностным предпочтениям, соответствуют ступеням жизненного цикла: до рождения детей, при наличии маленьких детей, после того, как дети выросли. Таким образом, следуя Т. Парсонсу, женщина могла примириться со своим подчиненным положением и маргинальной социальной ролью через посредство утверждения своей идентификации как секс-объекта, гордой своим искусством домохозяйки, благотворительницы.

Такого рода аргументы могут вызывать раздражение, но важно учитывать, что *структурно-функциональную модель нельзя критиковать на чисто эмпирическом основании*, потому что это не описательная модель. *Это не модель того, что существует, но того, каким оно должно быть*. Поэтому ее можно критиковать, только подвергая критике теоретические допущения относительно функциональной необходимости патриархальных семейных отношений, на которых они базируются.

Во-вторых, структурно-функциональная модель общества ставит потребности общества выше потребностей и стремлений индивидов, которые живут в этом обществе и для которых оно, по идее, и существует. Поэтому структурный функционализм уязвим для политической критики как *консервативная теория*.

Структурно-функциональная модель рассматривает *общество и его предполагаемые потребности как отправную точку* и затем вынуждает людей соответствовать этой модели, независимо от того, что они сами хотят и думают по этому поводу. С помощью данного подхода можно *дезавуировать любой протест*, заявив, что это недовольство – лишь выражение социального напряже-

ния, которое можно устранить. Таким образом, социальные реформы приведут жизнь людей в соответствие с предназначенными им ролями. Из этого следует, что *основанием всех реформ должна быть социетальная интеграция, а не стремления отдельной личности или группы личностей.*

Эта модель подразумевает лишь две возможные *концепции личности*:

– либо эта личность бесконечно конформна, так что люди радостно принимают любые предписанные им роли при условии, что они были правильно социализированы;

– либо это «средний индивидуум», который по счастливому совпадению полностью соответствует тому, что функционально необходимо для общества.

Однако в любом случае речь идет о теоретике, выступающем от имени общества, где доминируют мужчины и конкретные социальные классы, которые определяют, что является нормальным, и навязывают свои представления всем остальным. Структурно-функциональная модель семьи не является по-настоящему функциональной: она функционирует только в интересах белых мужчин из среднего класса.

В-третьих, можно выделить так называемую «антисемейную» критику. Яркий представитель этого направления Р. Д. Лэнг [14] утверждает, что идеальная модель семьи на самом деле вовсе не «стабилизирует личность», а, напротив, *служит главным источником психических заболеваний и социальных бедствий.* В то же время многие люди очень счастливо живут в «ненормальных» семьях, придерживаясь «девиантных ценностей» и играя «девиантные роли». Структурно-функциональная семья, таким образом, критикуется как *идеологическое оправдание репрессивной системы*, которая подавляет потребности и стремления личности. Обществу требуются реформы, не усиливающие репрессивные структуры, а освобождающие людей, дающие им ресурсы и пространство для развития таких институтов, с помощью которых они могли бы удовлетворить свои подлинные потребности.

Подход Р. Д. Лэнга, который, очевидно, может развиваться в феминистском контексте, исходит из абсолютно другой политической направленности и абсолютно другой концепции личности, чем те, что присущи структурному функционализму. Ученый также отвергает идею о том, что патриархатное подчинение женщин функционально детерминировано самой формой современной семьи. Вместо нее предлагается другое объяснение: *семья является средством, с помощью которого мужчины навязывают женщинам свое господство.* Следующий шаг – уже *феминистские теории* патриархата как главной формы отношений между мужчинами и женщинами.

Наконец, в-четвертых, структурно-функциональный подход к семье – это типичная модернистская теория, в полной мере приверженная идее прогресса,

инновационного потенциала современного общества (все современное фундаментальнейшим образом отличается от старого, причем в лучшую сторону: например, нуклеарная семья гораздо лучше, *функциональней* всех предыдущих семейных форм). Уместно вспомнить здесь Ю. Хабермаса, который называл модернизм «радикализированным современным сознанием, освободившим себя от всех специфических исторических привязок» [13, р. 4].

Применительно к Т. Парсонсу это означает *апологику всех институтов* современного западного общества в целом и *американского образа жизни в частности*, поскольку Т. Парсонс игнорировал противоречия процесса модернизации.

Структурный функционализм служил теоретическим образцом для советской социологии семьи: любопытно, что вслух о подходе Т. Парсонса («здоровая семья – здоровое общество») не говорили, однако именно эта теория вытеснила в социологии семьи классический марксизм, от которого осталась лишь фразеология (см., например: [3; 10]). С этих же идейных позиций осуществлялась и реальная семейная политика в СССР (хотя вряд ли ее авторы и исполнители были знакомы с работами Т. Парсонса, Н. Белла и Э. Фогеля): семья как ячейка общества должна была прежде всего быть функциональной для целей государства. Но желаемый баланс в СССР (как и в Америке) так и не был достигнут.

Возникновение второй волны феминистского движения, феминистской критики социальной теории и политически ангажированных «мужских исследований» послужило импульсом для переопределения отношения к основным положениям концепции половых ролей в исследовании гендерных отношений. В настоящее время можно говорить о противоречивом отношении к теории Т. Парсонса. С одной стороны, можно встретить полное неприятие данной теоретической перспективы и ее обвинение в том, что она не столько описала, сколько предписала инструментальные и экспрессивные роли для мужчин и женщин, продолжая «маскировать» вопрос власти, символического и материального неравенства. С другой стороны, предпринимаются попытки переосмыслить основные положения поло-ролевой теории, заключающиеся в более полном развитии потенциала, в ней заложенного.

Библиографический список

1. *Брандт Г.А.* Природа женщины. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2000.
2. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991.
3. *Мацковский М.С.* Социология семьи: проблемы теории, методологии и методики. М.: Наука, 1978.
4. *Милль Дж. С.* О подчинении женщины. М.: б.и., 1994.

5. *Спенсер Г.* Основания психологии: Ч. 1–5 // Сочинения Герберта Спенсера: Полные переводы, исправленные по последним английским изданиям. СПб.: Т-во И.Д. Сытина, 1897.
6. *Спенсер Г.* Основания социологии: Т. 2 // Сочинения Герберта Спенсера: Полные переводы, исправленные по последним английским изданиям. СПб.: Т-во И.Д. Сытина, 1898.
7. *Спенсер Г.* Социальная статика: Изложение социальных законов, обуславливающих счастье человечества. СПб.: Издание В. Врублевского, 1906.
8. *Спенсер Г.* Социология как предмет изучения. СПб.: Тип. А. Якобсона, 1896.
9. *Уолстонкрафт М.* В защиту прав женщин // Феминизм: проза, мемуары, письма, эссе: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1992.
10. *Харчев А.Г.* Брак и семья в СССР. М.: Мысль, 1979.
11. *Энгельс Ф.* Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2.
12. *Bell N., Vogel E.* A Modern Introduction to the Family. N. Y.: Free Press, 1966.
13. *Habermas J.* Modernity Versus Postmodernity // New German Critique. 1981. № 22.
14. *Laing R.* The Politics of the Family, and other essays. Harmondsworth: Penguin Books, 1976.
15. *Nisbet R.A.* The Sociological Tradition. N. Y.: Basic Books, 1966.
16. *Parsons T.* The Social System. Glencoe: Free Press; L.: Routledge & Kegan Paul, 1951.
17. *Parsons T., Bales R.* Family, Socialization and Interaction Process. L.: Routledge & Kegan Paul, 1956.
18. *Simmel G.* Das Relative und das Absolute im Geschlechter Problem // Philosophische Kultur. Leipzig: Alfred Krüner Verlag, 1919.